

О СОЧЕТАНИЯХ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТОВСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. БУЛЫГИНА

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам, связанным с описанием функций литовского генитива — падежа, представляющего, несомненно, наибольшие трудности для исследователя падежного синтаксиса (не только литовского, но и других индоевропейских языков).¹⁾

Несмотря на то, что этот падеж получил в литовском языке чрезвычайно широкое синтаксическое распространение,²⁾ до сих пор нет ни одного исследования, специально посвященного конструкциям с родительным. Что же касается общих работ, связанных с изучением падежного синтаксиса в

¹⁾ На сложность интерпретации употребления индоевропейского генитива обращали внимание многие исследователи — из последних работ см., напр., A. Heintz, *Genitivus w indoeuropejskim systemie przypadkowym*, Warszawa, 1955, стр. 5.

Не случайно то обстоятельство, что ни одно „общее“ определение значения родительного падежа (в разных индоевропейских языках) — начиная от древнеиндийских грамматиков [ср. негативное определение употребления родительного в грамматике Панини, цитируемое Дельбрюком („Родительный употребляется во всех остальных случаях“), котороедается после довольно точного установления обобщенного значения других падежей (см. B. Delbrück, *Vergl. Synt.*, I Th., Kap. III, I, A. *Die Grundbegriffe nach der indischen Grammatik*, стр. 180)] и кончая новейшими попытками в этом направлении — не являются удовлетворительными [ср., напр., предельно абстрактное определение общего значения родительного в русском языке у Р. Якобсона (*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, TCLP, т. 6, Prague, 1936, стр. 255) и возражения А. В. Исаченко (Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Братислава, 1954, стр. 139); в то же время выделение значений *Genitivus subjectivus* и *Genitivus objectivus* в качестве единственно синтаксических — т. е. независящих от семантики компонентов сочетания, — предлагаемое Ю. Куриловичем в его замечательной статье „Le problème du classement des cas“ (BPTJ, IX, Kraków, 1949, стр. 33) и вслед за ним А. В. Исаченко (указ. соч. стр. 138), также не представляется достаточно последовательно аргументированным (подробнее об этом см. Т. В. Булыгину, Неглагольные сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке, сб. „Славянское языкознание“, М., 1959, стр. 222—223)].

²⁾ Это обстоятельство, остроумно проиллюстрированное в свое время издателем литовских сказок Юркшатом, который в одном из своих „языковых фокусов“ (*Sprachkunststücke*) изложил целую историю, употребляя из косвенных падежей один родительный (*Litauische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiedenen Dialekten besonders in der Galbraster Mundart mitgeteilt von C. Jurkšat*, Heidelberg, 1898), а также, в особенности, тот факт, что синтаксис генитива в литовском языке сохранил очень многие черты древнейшего употребления, утраченные другими языками, заставляет предполагать, что исследование литовского родительного падежа могло бы оказаться полезным и для выяснения сущности родительного в других (в первую очередь — славянских) языках.

литовском языке, то они кроме недостаточно полного описания сочетаний с одним определенным падежом (что вполне объяснимо их общим характером) вызывают ряд принципиальных возражений — как в общетеоретическом плане (принципы классификации; излишняя дробность классификации в результате отсутствия различия между собственно падежными значениями и значениями частными, всецело определяющимися лексикой компонентов сочетания и пр.), так и в плане конкретного истолкования отдельных употреблений родительного (неадекватность термина „Genitivus partitivus“; смешение под этой рубрикой разнородных типов употребления родительного; неоправданность в ряде случаев принципа классификации глагольных сочетаний с родительным по значению глагола и т. п.).

В данной статье мы намереваемся коснуться некоторых из этих вопросов на материале сочетаний с генитивом в современном литовском литературном языке, не ставя своей целью, из-за недостатка места, дать исчерпывающее систематическое описание употребления этого падежа.

* * *

Не подлежит сомнению, что при исследовании значения того или иного падежа необходимо в первую очередь обращать внимание на grammatischekую принадлежность сочетающегося с данным падежом слова. Так, несомненно, следует различать в качестве двух основных типов генитивных сочетаний именные и глагольные конструкции, поскольку с различием в grammatischer категории сочетающихся с родительным словом связано различие в синтаксическом значении соответствующих сочетаний, т. е. в характере отношения между их компонентами; присубстантивный родительный детерминирует, ограничивает именное представление, выражая разновидность определительных отношений, в то время как приглагольный родительный называет чаще всего объект действия и, таким образом, связан со „стержневым словом“ сочетания отношениями объектными).

Поэтому трудно согласиться, например, с виднейшим исследователем литовского синтаксиса Э. Френкелем³⁾, который рассматривает такие сочетания, как, скажем, duoti vandens, в одном ряду с такими, как vandens stiklas (под рубрикой „Gen. partitivus“), отделяя первые от других глагольных сочетаний, а вторые от других субстантивных сочетаний. Общее традиционное название, под которым Э. Френкель объединяет эти два разнородных типа сочетаний, не является достаточным доказательством действительной общности значения падежной формы в сочетаниях того и другого типа.

С другой стороны, вряд ли целесообразно во *всех* случаях класть в основу классификации признак grammatischer принадлежности сочетающегося с родительным слова. Так, очевидно, нет оснований разделять глагольные сочетания с родительным и сочетания этого падежа с действительными причастиями, поскольку характер отношения между компонентами, так

³⁾ См. E. Fraenkel, Syntax der litauischen Kasus, Kaunas, 1928.

же как „значение“ падежной формы (объект действия, выраженного стержневым словом) в тех и других сочетаниях тождественны. Неубедительным поэому представляется, например, у Шлейхера, внесение в группу сочетаний с прилагательными и их наречиями⁴⁾ сочетаний с причастиями, образованными от глаголов с отрицаниями (напр., *nebójqs pinigu*), или от глаголов, которые и в личной форме сочетаются с родительным объекта (напр., *vandēns tróksztas, smèrtēs blyjs*)⁵⁾.

Точно так же, не основательным кажется отделение сочетаний родительного с существительными количественного значения от аналогичных сочетаний с количественными наречиями или „субстантивными“ числительными — с одной стороны, и с другой — объединение их с отличными по значению (и по форме! — речь идет о порядке следования компонентов) сочетаниями с подобными существительными, что имеет место в классификации Э. Френкеля. Сопоставление различных сочетаний с *постпозитивным* родительным — [ср. напр., ... *pora sveikinimo žodžių*, *pora pakštelių* — *poniai į ranką*, *pora stiklų arbato* — *ir sudiev* (*Cvirka*) „... пара приветственных слов, пара поцелуев ручки у госпожи, пара стаканов чая — и до свидания“ (род. пад. при существительных); ... *vandenys krinta penkis šimtus pėdų žemyn*, *suduždam i miliardus mažų lašelių* (*Cvirka*) „...вода низвергается с высоты в пятьсот футов, разбиваясь на миллиарды мельчайших капель“ (род. пад. при числительных); ... *ir daug daktarų paėmė daug pinigo* (*Cvirka*) „...и много докторов взяли много денег“ (род. пад. при наречиях); ... *éjo žinios: tiek užmuštu, tiek paimtu į nelaisvę* (*Cvirka*) „...приходили вести: столько-то убитых, столько-то взятых в плен“ (род. пад. при местоимениях)] — показывает, что значение родительного падежа („название класса или рода предметов, взятых в определенном количестве“) не зависит от принадлежности *семантически однородных* слов, сочетающихся с ним, к разным частям речи.

В то же время формальное различие (различный порядок следования компонентов) между сочетаниями родительного падежа с существительными, обозначающими количество, меру и под., оказывается связанным с различием в их значении. Если в сочетаниях с *препозитивным* родительным (который можно было бы условно назвать „родительным содержания“) основным членом, „темой“ высказывания является существительное, сочетающееся с генитивом (т. е. название „формы“), а название „содержания“ представляет собой лишь необходимый дополнительный момент, определение к называнию „формы“, то в сочетаниях с *постпозитивным* родительным (который можно было бы условно назвать „родительным количества“) главное — понятие, выражаемое родительным падежом, а название количества является менее существенным, оно представляет собой как бы опреде-

⁴⁾ См. A. Schleicher, *Handbuch der litauischen Sprache*, т. 1, Grammatik, Prag, 1856. -Cap. V, *Vom Gebrauche der Casus*, § 129 (весь материал распределяется, автором в зависимости от грамматической категории „стержневого слова“ — по трем группам, включающим, кроме названной выше, группу сочетаний с существительными и сочетаний с глаголами; впрочем, этот принцип не во всех случаях последовательно выдерживается).

⁵⁾ Там же, стр. 273.

ление (не грамматическое, разумеется) к названию вещества (или предмета и т. п.).

Для иллюстрации связи значения всего сочетания с тем или иным порядком сочетающихся слов сравним некоторые примеры, относящиеся к сочетаниям двух типов, о которых идёт речь. Так, например, ср. такое сочетание с *постпозитивным* родительным, как:... prie karštų krošnių, kur lašas ištirpinto plieno iš karto persigeria per žmogaus kaulus (Cvirk),... к раскаленным домнам, где [одна лишь; каждая] капля расплавленной стали сразу прожигает тело до костей“ (в сочетании, как видно из контекста, внимание обращено именно на количество вещества) или не менее характерное:... išseko motinoje paskutinis lašas pieno (Cvirk) „иссякла у матери последняя капля молока“ с сочетаниями того же существительного с *препозитивным* родительным:... visa dingę, išgaravę, kaip rasos lašelis (Cvirk) „...все исчезло, испарилось, как капелька росы“ (состав. „росяная капелька“); ... į lietaus lašus (Cvirk) „на дождевые капли“. Ср. еще следующие сочетания одинакового лексического состава:... nupirkо dar gabala žemės (Cvirk) „купил еще отрезок земли“ и išlindo auksinio rago pavidalo žemės gabala (Cvirk) „показался похожий на золотой рог отрезок земли“ — в первой конструкции существительное, сочетающееся с *постпозитивным* родительным падежом, „определяет“ предмет, называемый родительным, с количественной стороны; в значении второго сочетания с *препозитивным* родительным, характеризующегося более тесной связью между компонентами, количественный оттенок отсутствует.

Ср. еще: Dabar, girdi, aš tiek pinigų turiu, kad galėčiau dvarą nupirkti ir pulką kareivių laikyt su armotomis (Cvirk) „Теперь, слыши, у меня столько денег, что мог бы купить имение и [целый] полк солдат с пушками содержать“ (в сочетании подчеркнуто количество солдат, как видно и из контекста) и то же существительное в сочетании с *препозитивным* родительным: ... kad raudonarmiečių pulkai pas mus atvažiavo (Jovaras) „... что красноармейские полки к нам приехали“. Показательно также сопоставление следующих пар сочетаний, в которых одни и те же слова имеют „количественное“ или „неколичественное“ значение, в зависимости от позиции род. падежа, ср.: Šyvis... surado eilę gerbėjų (Cvirk) „Шивис... приобрел [целый] ряд (т. е. „много“) почитателей“ и Krukas...nusišypsojo, praskleidęs auksinių dantų eilę (Cvirk) „Крукас...улыбнулся, открыв ряд [здесь собственное значение сущ. eilę] золотых зубов“; или: Siandien pasiunčiau jums partiją tautiečių (Cvirk) „Сегодня послал вам [целую] партию соотечественников“ и Amerikos socialištų partija (Cvirk) „социалистическая партия Америки“; ср. еще: ...skustuvą, kojines ir dar porą smulkių daiktų (Cvirk) „бритву, носки и еще пару [т. е. „несколько“] мелких вещей“ и... turiu dvi eilutes, ketverias batų poras (Cvirk) „...у меня два костюма и четыре пары башмаков“.

Значение количества приобретают в сочетании с *постпозитивным* родительным и такие, напр., существительные, вообще далекие от этой семантики, но обозначающие предметы, с которыми связывается определен-

ный размер, как *tvanas* „потоп“, *debesys* „облако“ и под. Ср. употребление их с пост- и препозитивным родительным:... *kur tvanas visokių į žmones* *panašių daiktų*, *tvanas alaso*, *balsų* (*Cvirka*) „...где целый потоп всяких человекоподобных существ, потоп шума, гама“ (в сочетании с препозитивным родительным, то же существительное выступает в собственном значении, ср., напр., ...*mirkti alyvos ir anglių tvane* (*Cvirka*) „...мокнуть в потопе [из] масла и угля“); ...*siautė debesys peteliškių* (*Cvirka*) „...кружились целые тучи бабочек“ (в сочетаниях того же существительного с препозитивным родительным, отсутствует количественное значение, ср., напр., *važiuodavo lengva mašina*, *skandindama dulkių debesyje prie kelio dirbančius kumečius* (*Marukas*) „проезжала легкая машина, топя в пыльном облаке работающих у дороги батраков“; ...*o žąsys girgina piaunamos — plunksnų debesiukas* (*Cvirka*) „...а когда кричат под ножом гуси— пуховое облачко“).

Число примеров, указывающих на зависимость значения сочетания от порядка следования составляющих его компонентов, можно было бы значительно увеличить. Однако, как кажется, и сравнительно небольшое число приведенных примеров, свидетельствующих об особом значении сочетаний собирательных и количественных существительных с постпозитивным родительным падежом, подтверждает неправомерность смешения таких сочетаний с сочетаниями существительных той же семантики с препозитивным родительным (так называемым „родительным содержанием“).

Это различие и, с другой стороны, очевидная общность значения постпозитивного род. падежа в сочетаниях с семантически близкими существительными, наречиями, местоимениями и числительными говорят как о необходимости учитывать при классификации падежных значений порядок следования компонентов сочетания, так и о том, что целесообразно класть в основу классификации грамматическую принадлежность сочетающегося с родительным слова только в том случае, если такое деление оправдывается функционально.

Целый ряд спорных вопросов возникает в связи с изучением род. падежа в сравнительно ограниченной сфере его прилагольного употребления.

Основную массу глагольных сочетаний с родительным составляют сочетания, называющие *действие и его объект*, т. е. имеющие значение, относительное со значением сочетаний переходных глаголов с винительным падежом. При этом в некоторых сочетаниях появление родительного падежа обусловлено семантикой глаголов, *всегда* сочетающихся с данным падежом, в то время как в других — глагол, входящий в состав конструкции, может сочетаться и с винительным падежом. Естественно, что для установления *специфического* значения родительного падежа особый интерес представляют именно эти последние, *прямо противопоставленные* конструкциям с винительным, сочетания.

Значение, выявляющееся при сопоставлении сочетаний с тем и другим падежом, одинаковых по своему лексическому составу (имеющих тождественное „лексическое наполнение“) очевидно, и будет собственно „грамма-

тическим“ значением, присущим *самой падежной форме*, вполне свободным от влияния „семантической нагрузки“⁶⁾ компонентов сочетания. Именно в случае возможности прямого противопоставления тех и других сочетаний (т. е. в том случае, когда в сочетании с одним и тем же глаголом может выступать и тот, и другой падеж одного и того же существительного) формальное различие между винительным и родительным падежами является *синтаксически значимым*. Реализация этой возможности ограничена со стороны существительного, называющего объект глагольного действия, — указанное противопоставление касается глагольных сочетаний с существительными, объединенными общим значением „непредметности“, „вещественности“, „пространственной неограниченности“⁷⁾ (т. е. с именами вещественными, собиральными и отвлеченными, а также с существительными во множественном числе, обозначающими „пространственно-неограниченную“ совокупность предметов).

Что касается глаголов, способных выступать в рассматриваемых сочетаниях, то они не образуют какой-либо однородной семантической группы; в качестве „стержневого слова“ может выступать *любой* переходный глагол, если только его значение не предполагает с необходимостью связь с „предметным“, „пространственно-ограниченным“, имеющим определенный объем объектом. Возможность выделения целых групп сочетаний с лексически однородными глаголами объясняется только тем, что некоторые из них естественно сочетаются с определенными объектами; напр., большая употребительность в данных сочетаниях глаголов принятия пищи определяется тем, что продукты питания часто обозначаются именами вещественными. Между тем, сочетания этих глаголов с родительным падежом имен вещественных ничем существенным не отличаются от соответствующих сочетаний, в состав которых входит любой другой переходный глагол. Поэтому представляется совершенно неоправданным ставить появление родительного падежа всегда в зависимость от определенных глаголов, как это делает, напр., Э. Френкель, который в указанной выше работе рассматривает в отдельности родительный падеж при глаголах „von etwas essen, trinken“ и при глаголах „jmd. an etw. Anteil geben etw. gewinnen, erlangen“⁸⁾ (то есть отделяет такие случаи, как, напр., „walgiti duonas“ — стр. 43, от таких, как, скажем, „kur gaut pinigu“ — стр. 44), объединяя в то же время сочетания с этими глаголами и сочетания, в состав которых входят глаголы „anfüllen, volladen usw. mit. etw.“ — стр. 44 (т. е. pripildyt i под.), глаголы, выраждающие удовлетворенность субъекта действием: „sich satt

⁶⁾ Пользуемся выражением проф. А. В. Исащенко (Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словашским, Братислава, 1954, стр. 136), употребляющего его в связи с тезисом о необходимости разграничения „синтаксического“ и „несинтаксического“ („адвербального“) значения падежа, не сопровождаемым, однако, к сожалению, определением *условий* максимальной „свободы от семантической нагрузки“.

⁷⁾ Значение этих, может быть, не вполне удачных, терминов, заменить которые мы, однако, затрудняемся, объясняется в работе А. И. Томсона „К синтаксису и семасиологии русского языка“, Одесса, 1903, стр. 36 и след.

⁸⁾ Как показывают эти названия параграфов, Э. Френкель значение действия, охватывающего объект, лишь отчасти, приписывает (без оснований) самому глаголу.

essen, satt trinken — стр. 44 (т. е. *priesti, apsigerti* и под.), глаголы *genügen, hinreichen, ermangeln, bedürfen* — стр. 45 (т. е., напр., *pakakti, užtekti, netekti* и под.; *reikėti, reikalauti* и под.) — т. е.: такие глаголы, значение которых действительно обусловливает родительный падеж, — в одну группу „*Gen. part. bei bestimmt en, meist trans. Verben*“ (разрядка наша — Т. Б.).

В связи с вышесказанным представляется целесообразным класть в основу классификации рассматриваемых сочетаний значение имени, выступающего в форме родительного падежа (при этом можно внутри полученных групп — для удобства изложения — располагать сочетания с глаголами близкого значения вместе).

Сочетания с именами вещественными. В отличие от названий пространственно-ограниченных, имеющих определенный объем предметов, которые в сочетании с переходными глаголами всегда выступают в форме винительного падежа, имена вещественные (и под.), обозначая объект действия, выраженного переходным глаголом, часто употребляются в форме родительного падежа.

Как уже отмечалось, возможность сочетания с родительным падежом имен вещественных в общем не связана с какими-нибудь определенными группами глаголов, если не считать того, что она естественно ограничена реальной возможностью связи каких-либо действий с определенной группой объектов, обозначаемых вещественными именами. Естественно также, что наиболее употребительными являются сочетания с глаголами, обозначающими действия, с которыми объекты указанной группы связаны по самой своей природе. Это, напр., сочетания с глаголами *valgyti* „есть“, *gerti* „пить“, *srébtı* „хлебать“ и под., напр., *Parėjusi pavalgė šiltą, nuo pustyčio likusią batvinių, pasrèbė rūgusio pieno* (*Vienuolis*) „Вернувшись, поел теплой, оставшейся от обеда ботвиньи, похлебала простоквашу“; *virti* „варить“, *kepti* „печь“, *daryti* (в знач. „приготавливать пищу“), напр., *Vieni, sukūrė žemėje ugnį, verda valgio, kepa šašlykų* (*Vienuolis*) „Одни, разведя на земле огонь, варят пищу (род. пад.), жарят шашлыки (род. пад.)“, а также с глаголами, обозначающими „универсальные“ — в смысле направленности на различные объекты — действия: *duoti* „давать“, *skolinti* „одолживать“, *siūlyti* „предлагать“, напр., *Jonai, duok jodo, duok vatos* (*Vienuolis*) „Ионас, дай иоду, дай ваты“; ...*gal man paskolinsi duonos?* (*Jasiukaitis*) „...может, одолжишь мне хлеба?“; *Vienas net siūlė tabako* (*Cvirka*) „Один даже предложил табаку“; *imti* „брать“, *gauti* „получать“, *gabenti* „доставлять“, *pirkti* „купить“, напр., *Keisk pavardę, kartą tu gauni žemės* (*Cvirka*) „Меняй фамилию, раз ты получаешь землю (род. пад.)“; *Ir paėmė likerio* (*Cvirka*) „И взяли ликеру“; ...*nors patys sau turėjome gabenti duonos iš tolimesnių kraštų* (*Vienuolis*) „...хотя сами должны были доставлять себе хлеба из более отдаленных краев“; ...*pirmiausia nutarėm nusipirkti cukrinių avinelių* (*Cvirka*) „прежде всего мы решили купить себе сахарных барашков“; *nešti* „нести“, *vežti* „везти“ и под., напр., *Moterys tetai atnešdavo skerstuvius, miltą, sviesą, sūrio, o pačios išsinešdavo sėklų ir žolelių* (*Cvirka*) „Женщины приносили тетке мяса, муки, масла, сыру, а сами уносили с собой семян и травок“; *atsivežė jis daug knygų, mikroskopą ir šiaip įvairios mokslo medžiagos* (*Jurgi-*

nas) „привез с собой много книг, микроскоп и различного научного материала“; turėti „иметь“, напр., Džiaukis duonos turinti, ne sviesto (Žemaitė) „Радуйтесь, что имеете хлеб (род. пад.), не только что масло (род. пад.)“.

Однако, широко употребительны и сочетания с другими глаголами, например: Kad nesukiršintų pagonių dievų, nežymiai numesdavo jiems valgio ir kryžiuočiai (Vienuolis) „Чтобы не разгневать языческих богов, незаметно бросали им пищи и крестоносцы“; ...sviedė aukštyn dumblo (Cvirka) „...швырнул вверх илу“; Dažnai jam motina išišdavo į skarutę kiaušinių, vilnos, kartais tekdayo nunešti kiaulės šerių arba senų skudurų (Cvirka) „Часто мать завязывала ему в узелок яиц, шерсти, иногда приходилось относить свиную щетину или старые тряпки (род. пад.)“; ...jeigu meškai duoti pauostytį tabako... (Cvirka) „...если дать медведю понюхать табаку...“; žemės žanda, pinigų (Gudaitis-Guzevičius) „Земли обещает, денег...“; ...kuris jau iš anksto buvo sėklos pažadėjęs (Baltušis) „...который уже заранее пообещал семян“; Dirgelevičius ... iš spintos ištraukė ... krupniko (Cvirka) „Диргялявичюс... вытащил из шкафа ликер“ (род. пад.); Pasodino vyrai berniuką prie stalo, surado jam popieriaus (Cvirka) „Посадили мужики парнишку за стол, нашли ему бумаги...“ [ср. сочетание с „предметным“ объектом: Mokytojas, ruošęs proferansui popieriaus lapa (Acc.) ... (Cvirka) „Учитель, приготовив листок (вин. пад.) бумаги для преферанса...“]; ...ištraukiau oro ir taip pat — paneriau (Cvirka) „Втянул воздуха и тоже — нырнул“; pasiuntęs keletą skrybėlių ir kondensuoto pieno ... (Cvirka) „послав несколько цляп и сгущенного молока“; Tėvas paliko grašio, paliko pilnus aruodus grūdo ir saliamonišką pamokymą, kaip gyventi ir turtus krauti (Cvirka) „Отец оставил деньжат, оставил полные амбары зерна и соломоновы поучения, как жить да богатство приумножать“; Rašo vis laiškus, ideda vis pinigo (Cvirka) „Письма все шлет, деньги (род. пад.) в них вкладывает“; Šviesusis konjako ir sūrio išidėjęs (Cvirka) „Светлейший захватил с собой коньяку и сыра“ и многие другие.

Сопоставление рассматриваемых сочетаний с соответствующими конструкциями с винительным падежом, выявляет в значении тех и других различие, которое состоит в характере представления объектов, противопоставляемых по линии определенности—неопределенности, или „предметности“—„вещественности“ (последние термины в высшей степени условны)⁹⁾.

Так, в родительном падеже выступает название объекта, представляющего „неопределенность“, неиндивидуального, привлекающего внимание не с

⁹⁾ Любопытно, что сходное явление наблюдается и в других, неродственных, языках, в которых отсутствует artikelъ. Ср., напр., противопоставление аккузатива и партитива для выражения „специса“ в финском языке: аккузативом в некоторых случаях можно выразить определенность прямого объекта, партитивом — его неопределенность. Указанное противопоставление касается здесь тоже только имен вещественных, собирательных и абстрактных — или слов в форме множественного числа — см. Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка (русск. перевод), ч. II — Лексикология и синтаксис, М., 1955, стр. 189.

точки зрения формы, а с точки зрения содержания, в то время как на-звание объекта индивидуально-определенного („пространственно-ограничен-ного“, по терминологии А. И. Томсона) выступает в аналогичных сочета-ниях в винительном падеже. Ср., напр., следующие конструкции: *Antrą kalėjimo dieną jam atnešė butelį pieno ir duonos* (Cvirka) „На второй день заключения ему принесли бутылку молока и хлеба“, несколькими пред-ложеними ниже тот же объект обозначается винительным падежом: *Rytą jis suvalgė duoną* (Acc.), *išgérė buteli pieno ir visą dieną iš šiaudų kažką rynę* (Cvirka) „утром он съел [этот принесенный] хлеб, выпил бутылку молока и весь день что-то плел из соломы“; или: *Imkite, kunigėli, dešros* (Cvirka) „Берите, батюшка ксендз, колбасы...“ — ср. сочетание с винительным па-дежом того же существительного, обозначающим индивидуально-опреде-ленный объект: *man teko viename jūsų saliūne užsisakyti dešrą* (Acc.), *kurią pergriovus, išėjo oras* (Cvirka) „...мне случилось в одном вашем салуне за-казать такую колбасу, из которой, когда ее разрезали, вышел воздух“ — ср. с этим последним примером сочетание того же глагола с родительным па-дежом „неопределенно-представляемого“ объекта: *Kasdien valgiau gardžių pietų, iš vakaro galėdavau užsisakyti mėgiamą bulioną, pudingą, saldumyną* (Vienuolis) „Каждый день ел вкусные обеды (букв. „вкусных обедов“), с вечера мог заказать (букв.) любимых бульонов, пудингов, сладостей...“; *Antanėlis gauna šokolado* (Cvirka) „Антанелис получает шоколад [букв. „шоколаду“]“ — ср. сочетание с винительным падежом того же существи-тельного, называющее конкретное действие, направленное на определенный, „предметный“ объект: *Antanėlis krūpteli, šokoladas nukrinta ant grindų, Kvintetas pakreipia taškuotą galvą, apuosto šokoladą* (Acc.) *ir netrukus taip pat užsimerkia* (Cvirka) „Антанелис вздрагивает, шоколад падает на пол, Квинтет поворачивает пятнистую голову, обнюхивает шоколад, но вскоре опять закрывает глаза“.

Ср. противопоставление родительного падежа „вещественного“, не-определенно-представляемого объекта винительному „предметного“ объек-та (выраженного тем же субстантивированным прилагательным) в одном предложении ...*atnešė man karčiosios ir èmè prašyti, kad papasakočiau, o aš išverčiau ant žemės karčiąją* (Acc.) *ir sakau ...* (Cvirka) „...принесли мне горькой и стали просить, чтобы я рассказал, а я опрокинул горькую на землю и сказал...“; ...*Jocius ... tik šviežio alaus į stiklinę pylė ir kiaulieną* (Acc.) *artyn stūmė* (Baltušis) „...Йоюс только наливал в стакан све-жего пива и свинину поближе придвигал“ — С первым приведенным со-четанием глагола *pilti* с родительным падежом „вещественного“ объекта ср. сочетание того же глагола с винительным падежом „определенного“, „предметно-представляемого“ объекта (выраженного тоже существительным вещественного значения): *Pildamas kavą, oberleitenantas Grifelis pranešė, kad tai tikra kava ir tikras rusų likeris* (Cvirka) „Разливая [поданный] кофе, обер-лейтенант Грифелис объявил, что это настоящий кофе и настоящий рус-ский ликер“, со вторым приведенным сочетанием, называющим действие, направленное на „предметный“ объект, ср. сочетание с родительным па-дежом того же существительного: ...*atnešiau kiaulienos prie taumenukų, išvi-*

rinau (Cvirka) „...принесла свинины пожестче, сварила“; *Jei tik šiandien gausiu pinigų, tai kitą sekmadienį ir brauksiu sau į Ameriką* (Vienuolis) „Если только сегодня получу денег, так в следующее воскресенье поеду себе в Америку“ —ср. ниже предложение, где тот же объект (т. е. деньги, которые будут присланы), характеризуемый „индивидуально-определенным“ представлением, выражается винительным падежом: *Pinigus (Acc.) tuo tarpu paduosiu paturėti Juozaponienei* (Vienuolis) „Деньги пока что дам на сохранение Юозапониене“ или аналогичные: —*Duok pinigų, eisiu gerti.* —*Kur aš imsiu pinigų?* (Jasiukaitis) — „Дай денег, пойду пить. — Где я возьму денег?“ и ...*jei senis mirs, aš paimsiu jo pinigus (Acc.)* (Cvirka) „...если старик умрет, я возьму его деньги“.

Сочетания с существительными множественного числа. Особое представление объекта, обуславливающее появление родительного падежа, может быть связано, как уже отмечалось, и со множеством отдельных предметов или лиц. Для характеристики объекта действия в сочетаниях этой группы более уместен термин „неопределенное представление“, чем „вещественное“. Эта „неопределенность“ представления объекта отчетливо выявляется при сопоставлении сочетаний, о которых идет речь, с соответствующими сочетаниями с винительным падежом —ср., напр., следующие сочетания с глаголом *turėti* „иметь“: *Pasakykite, Frankai, ar jūs turite ten karvių, avių* (Cvirka) „Скажите, Франк, имеете ли вы там коров, овец...“ и: *Frankas pradėjo pasakot apie tai, kokius arklius (Acc.) ir kokią karietą jis namie turėjo* (Cvirka) „Франк начал рассказывать о том, каких лошадей (вин. пад.) и какую карету он имел дома“ —речь идет здесь уже об определенных лошадях (*kokius jis namie turėjo*), характер представления объекта в этих двух примерах различен. Ср. еще: ...*gražių namų turite ir savo polišmenus (Acc.)* (Cvirka) „...имеете красивые дома (род. пад.) и своих полисменов (вин. пад.)“ и: *Mačiau, turite savo saliūnus, mokyklas ir bažnyčias* (Cvirka) „Вижу, имеете свои салуны, школы, костелы (вин. пад.)“; или еще более очевидное противопоставление по „определенности-неопределенности“: *Kiekvienas ... turėjės visokių sumanymų* (Cvirka) „...каждый имел всякого рода замыслы (род. пад.)“ и: ...*kiekvienas turėjo savo planus (Acc.)* (Cvirka) „...каждый имел свои [определенные] планы (вин. пад.)“.

Ср. также следующее противопоставление родительного и винительного падежей в сочетаниях тождественного „лексического наполнения“: *Keistų jis turėjo būdo uratybų* (Cvirka), „Странные у него были особенности характера“ (букв.: „Странных он имел особенностей характера“) и: ...*jis turėjo savo nuostabiai tėvų visas gerąsias uratybes (Acc.)* (Cvirka) „...он имел в себе все замечательные особенности своих предков“.

Или — противопоставление определенных и неопределенных объектов, выраженных соответственно винительным и родительным падежами, связанными с одним и тем же глаголом: ...*o kitus išvargę knechtai naktį išmesdavo į krantą ir palikdavo nepalaidojė, tik pasiimdavo sau jų ginklus (Acc.), drabužius (Acc.) ir šiaip geresnių daiktų* (Gen.) (Vienuolis) „...а других уставшие кнекты ночью выбросили на берег и оставили не похоронив, только

взяли себе их оружие (вин. пад.), одежду (вин. пад.), да вещей получше (род. пад.)“.

Ср. ещё следующие сочетания родительного и винительного падежей одного и того же существительного с разными глаголами, в которых присутствие того или другого падежа объясняется, конечно, не различным характером действий, а различным представлением объектов: *Be to, mīsč ordino didysis magistras, kilnusis brolis Konradas Valenrodas, siūčia jūsč dukrai ... savo palaimą ir dovaną* (Gen.) — И ритерис Гриежे ... передавέ *savo kalaviją vienam tarnui, o iš kito ... paėmė kunigaikštitei dovanas* (Acc.) — *paaauksuotą dėžutę, kurioje buvo gražiausių gintarą eilutę ir aukso diadema galvai papuošti*. Vēl, žengęs du žingsnius į priekį, priklaupé ir įteiké *kunigaikštitei dovanas* (Acc.) (Vienuolis) „Кроме того, великий магистр нашего ордена, благородный брат Конрад Валленрод, посыает Вашей дочери... свое благословение и подарки (род. пад.) — И рыцарь Гриеже передал свой меч одному слуге, а у другого обеими руками взял подарки (вин. пад.) для княжны — позолоченный ларец, в котором был костюм из прекрасного янтаря и золотая диадема на голову. Снова, сделав два шага вперед, преклонил колена и вручил княжне подарки (вин. пад.). Или аналогичное соотношение в фразе: *Abu broliai siuntė per jį motinai ir seserai labų dienų ir geriausių linkėjimų* (Vienuolis) „Оба брата посылали через него матери и сестре привет (букв. „хороших дней“) и лучшие пожелания (род. пад.) — ср. винительный падеж дальше: *Bet progos prieiti prie bajorienės ir jos dukros ir perduoti sūnų ir brolių linkėjimus* (Acc.) *riterui vis nebuvo* (Vienuolis) „Но случай подойти к боярыне и ее дочери и передать им пожелания (вин. пад.) сыновей и братьев рыцарю все не представлялся“.

Ввиду безграничного разнообразия значений имен, называющих объект действия в сочетаниях данного типа (единственным объединяющим моментом является характеризующая их „множественность“), невозможно найти и какой-нибудь определенный круг глаголов, наиболее употребительных в этих сочетаниях.

Рассмотрение наиболее многочисленных из глагольных генитивных конструкций — сочетаний с родительным падежом существительных множественного числа (примеры мы опускаем из-за недостатка места) с особенной очевидностью показывает неправомерность попыток связывать появление родительного падежа „объекта“ с значением самого глагола.

Сочетания с именами отвлеченного значения. Как уже отмечалось, противопоставление „неопределенного“ и „определенного“ представления объекта действует и в сфере имен абстрактного значения, близких вещественным именам своей „непредметностью“, „бесформенностью“. Ср., напр., следующие сочетания одинакового лексического состава: *Prasidėjo gyvenimas, fabrikai perpildyti užsakymų, kas nori — šiandien gali gauti darbo* (Gen.) (Cvirkla) „Началась жизнь, фабрики завалены заказами, кто хочет — сегодня же может получить [какую-нибудь] работу (род. пад.)“ и: *Gudaitis Pranuką nuvedė, ir jis gavo darbą* (Acc.) *lentpriūvėje*.

Tokį darbą (Acc.) galėjo gauti kiekvienas naujokas... Pranas įsijungė į tą naują darbą. Jis pataikė labai geru laiku gauti darbą (Acc.) lentpiūvėj... (Cvirka) „Гудайтис отвел Пранукаса и тот получил работу (вин. пад.) на лесопилке. Такую работу (вин. пад.) мог получить каждый новичок... Пранас втянулся в эту новую работу. Он как раз во-время получил [этую] работу (вин. пад.) на лесопилке“. Ср. еще: Jeigu turėčiau laisvo laiko... (Cvirka) „Если бы у меня было свободное время... (букв. „Если бы я имел свободного времени“...)“, ...kartais, turėdamas laiko ... (Cvirka) „...иногда, имея время (род. пад.)...“ и: Žmonių gyvenimas buvo toks pat: visi jie éjo, skubéjo, bet kiekvienas rodé savajį laiką (Cvirka) „Жизнь людей была точь-в-точь такая же: все они шли, спешили, и каждый из них показывал свое время (вин. пад.)“. — В состав сравниваемых сочетаний входят различные глаголы, однако глагольный компонент последнего сочетания (с винительным) может при условии „неопределенного“ представления объекта сочетаться и с родительным падежом существительного отвлеченного значения, напр.: Visi buvusieji Dūdos stalo draugai Meilutei akyse rodé rimto susirūpinimo jos vyro likimu (Cvirka) „Все вчерашние собутыльники Дуды в глаза Мейлуте выказывали серьезную озабоченность (род. пад.) за судьбу ее мужа“; Kartais jis parodyavo didžiausio užsispyrimo (Cvirka) „Иногда он проявлял величайшее упорство (род. пад.)“ и т. п.

Ср. также семантически близкие сочетания turēti reikšmęs, turēti svarbos, turēti svorio „иметь вес, значение“, в состав которых входит родительный падеж отвлеченного существительного и противопоставляемые им по „представлению“ объекта сочетания того же глагола с винительным падежом существительного reikšmę „значение“, употребленного в специализированном (лингвистическом) смысле: Ypatingai didelės svarbos turėjo Kruso įtraukimas i ši darbą (Cvirka) „Особо важное значение (род. пад.) имело привлечение к этому делу Крука“; Vis dėlto miestas turėjo savo reikšmęs ir svorio jau vien dėl to, kad jis buvo apskrities miestas (Cvirka) „Тем не менее город имел [какое-то] значение (род. пад.) и вес (род. пад.), хотя бы потому, что являлся уездным городом“ и: Taip žodis „buožė“ lietuvių kalboje turi ir socialinę reikšmę (Acc.) — reiškia buvusios kaimo išnaudotojų, kapitalistų atstovą „Так, слово buožė в литовском языке имеет и социальное значение (вин. пад.) — означает представителя эксплуататоров, капиталистов бывшей деревни“; Taip, kai kurie žodžiai turi siaurą, specialią reikšmę (Acc.) „Так, некоторые слова ... имеют узкое, специальное значение (вин. пад.)“.

В фразеологическом сочетании „производить впечатление“ (букв. „делать впечатление“) именной компонент обычно выступает в форме родительного падежа, напр. ...mergaičių gražumas padarė atvažiavusiems įspūdžio (Vienuolis) „...красота девушек произвела на приехавших [известное] впечатление (род. пад.); Tai darė įspūdžio, lyg užantyje tebūtų buvus tuštuma, ne kūnas (Vaižgantas) „Это производило впечатление (род. пад.), как будто за пазухой пустота, не тело“; тот же компонент, конкретизированный определением, ставится чаще в винительном падеже, напр.: Jie yrač nemalonų darė įspūdį (Acc.) savo barbarišku vaizdu kultūringame dvare (Vaiž-

gantas) „Они производили особенно неприятное впечатление (вин. пад.) своим варварским видом в культурной усадьбе“; Bet maskviškių darbo kultūra, aukšta tekintojų kvalifikacija jam padarė gilią įspūdį (Acc.) (Dovydaitis) „Но культура труда у москвичей, высокая квалификация токарей произвела на него глубокое впечатление (вин. пад.)“, в особенности в таких случаях, как: Severiutė tauškė plepėjo... ir nepasidomėjo, kokį įspūdį (Acc.) daro savo pasaka (Vaižgantas) „Севериюте трещала — болтала ... и даже не интересовалась, какое впечатление (вин. пад.) производит она своим рассказом“; Biržiai visai kitaip šnekas, neg eglynai ir pušynai. Kitokį ir įspūdį (Acc.) daro (Vaižgantas) „Делянки совсем по-другому между собой беседуют, чем ельняки и сосняки. Другое и впечатление (вин. пад.) производят“¹⁰⁾.

Круг глаголов, выступающих в рассматриваемых сочетаниях, естественно ограничен значением именного компонента.

Широко употребительны сочетания родительного падежа абстрактного существительного с глаголами teikti, suteikti „доставлять, оказывать, предоставлять, приносить“ и пр., называющие результат того, что является субъектом действия, выраженного глагольным компонентом, напр.: ...jausmas, kad esu gyvas, matau daiktus ir girdžiu už lango vėja, man teikė neapsakomo džiaugsmo (Cvirka) „...чувство, что я жив, вижу все и слышу ветер за окном, доставляло мне невыразимую радость (род. пад.)“; Ir tokia malonia ir reikalinga jam buvo seselės priežiūra, jog užtekdavo vieno jos pamatymo, jos vieno žodžio — kad suteiktu jam energijos ir gyvumo (Vienuolis) „И так приятен и нужен был ему уход сестры, что достаточно было одного взгляда на нее, одного ее слова — и это давало ему энергию (род. пад.) и жизнеспособность (род. пад.)“, Nepasakysiu, kad visa tai man teikė didelio malonumo (Cvirka) „Не скажу, чтобы все это доставляло мне большое удовольствие (род. пад.)“, и аналогичные сочетания с глаголами еще более широкого значения daryti, sudaryti „делать“, duoti „давать“, напр.: Tai davė ir jam narsumo į viską šalčiau žiūrėti ir laukti šviesesnės ateities (Vienuolis) „Это и ему дало смелости смотреть на все хладнокровно и ждать лучшего будущего“; ...tie kraštai tik sudarys rūpesčio (Vienuolis) „...те земли только хлопот (ед. ч.) наделают“; O tai sarmatos padarė, gyvąčiukė! (Vienuolis) „Вот так пристыдила (буквально — „сделала сраму“), злодейка!“ и т. п.

Среди сочетаний данного значения выделяется ряд устойчивых фразеологических выражений, напр., įvaryti baimės „нагнать страху“: kariai nešiojo ant ieties Karigailos Kazimiero galvą ir rodė ją, kad įvarytų baimės kitiams gyventojams (Vienuolis) „воины носили ... на копье ... голову Казимира Каригайлы и показывали ее, чтобы нагнать страху на других жи-

¹⁰⁾ То же наблюдается и в отношении уже упоминавшегося в другой связи сочетания „иметь значение“, именной компонент которого при наличии определения часто выступает в форме винительного падежа, напр.: Gramatika, kaip mokymo dalykės, turi didelę praktinę reikšmę „Грамматика как предмет обучения имеет большое практическое значение (вин. пад.)“; Jau iš šių teiginių numanu, kokią didžiulę reikšmę turi kalbos mokymas „Уже из этих положений понятно, какое огромное значение (вин. пад.) имеет преподавание языка“.

телей“; ...visi pasijuto galį įvaryti baimės savo ronams (Cvirka) „...все почувствовали силу внушать страх (род. пад.) своим господам“, уже упоминавшееся padaryti įspūdžio „произвести [некоторое] впечатление“ и некоторые другие.

Родительный падеж отвлеченных существительных, обозначающих эмоцию, отношение, свойство лица, соответственно сочетается с глаголами, имеющими значение „выражать, проявлять, вызывать“ — reikšti, rodyti и под., напр.: Vytautas reiškė jiems pasigailėjimo (Vienuolis) „Витовт выразил им сожаление (род. пад.)“ и под. (примеры сочетаний с rodyti, parodyti приведены выше, на стр.101).

Еще можно отметить более разнообразные по значению именного компонента и по общему значению сочетания с глаголами gauti, įsigyti „получать, приобретать“ и под., и в особенности употребительные сочетания с глаголом turėti „иметь“: ...kad naujos pagalbos gautų (Baltušis) „...чтобы получить новой помощи“; ...po pietų ji įgaudavo pilko atspalvio (Cvirka) „...после обеда она приобретала серый оттенок (род. пад.)“; ...jeigu jie nori įsigyti aukščiausiojo malonės (Cvirka) „...если они хотят приобрести милость (род. пад.) всеобщего“; ...jis užsitarnavo didelės ir sunkios atgailos (Cvirka) „...он заслужил большое и тяжелое наказание (род. пад.)“ и т. п. Su žmonėmis, domine, jeigu turi reikalo — niekai (Cvirka) „Если иметь дело (род. пад.) с людьми — так ничего“; kol turėjo sveikatos... (Jasiukaitis) „Пока имел здоровье... (род. пад.)“; ...mes su tavim kalbos turim (Vienuolis) „...у нас с тобой разговор“ (букв. „имеем“ + род. пад.); o namie, žinai, dar ruošos turi (Vienuolis) „а дома, наверное, у тебя еще уборка“ (букв.: „уборки имеешь“) и т. п.

Ср. и сочетания с другими глаголами, не образующими определенных структурно семантических групп: Ji įneša į kalbą tikslumo ir aiškumo, rada dėl suraupyti energijos bei laiko kaip kalbančiam, taip klausančiam. „Она (норма) вносит в язык целесообразность (род. пад.) и ясность (род. пад.), помогает сэкономить энергию (род. пад.) и время (род. пад.) как говорящему, так и слушающему; Greta vykusios charakteristikos, meistriškos replikos, siužetinio posūkio, randame naivumo, tuščiažodžiavimo... (Šimkus) „Рядом с удачной характеристикой, мастерской репликой, сюжетным поворотом находим и наивность (род. пад.), пустословие (род. пад.); ...ji į gryną ... teisybę pirmą kartą per visą savo amžių įmaišė melo (Vaižgantas) „...К чистой правде она впервые в своей жизни примешала лжи“; ...jog gyvenime yra svarbesnių reikalų, kurių svarstymams reikėtų pašvęsti laiko (Mizara); „...что в жизни есть более серьезные дела, обсуждению которых следовало бы посвятить время (род. пад.)“; ...ji pasakui, jei matys reikalo, atitinkamai atsakys (Mizara); „...она потом, если увидит нужды (т. е. найдет нужным) ответит соответствующим образом“.

Таким образом, приведенное толкование значения родительного падежа в сочетаниях, подобных рассмотренным выше, представляется более адекватным отражением сущности употребления этого падежа по сравнению с традиционным пониманием, по которому сочетания определенных

глаголов с родительным падежом выражают действие, охватывающее *часть* предмета, названного именным компонентом.

Анализ соответствующих конструкций в современном литовском языке показывает, что в подавляющем большинстве случаев нет оснований приписывать родительному падежу указанное значение. Такое сочетание, как, скажем, *Duok pinigų, eisiu gerti*, „Дай денег, пойду пить“, вовсе не выражает приказания дать часть имеющихся у адресата денег. Особое представление объекта, которое мы обозначали как „неопределенность“, в том именно и состоит, что он не рассматривается в отношении к какому-либо определенному „целому“.¹¹⁾

Впрочем, традиционное определение значения родительного падежа в приглагольном употреблении можно было бы толковать таким образом, чтобы оно не противоречило, а согласовалось с приведенным выше пониманием.

Отличие выступающих в качестве именного компонента имен вещественных и собирательных в рассматриваемых сочетаниях (а также — в определенных случаях — существительных множественного числа) от предметных существительных, называющих конкретных, единичных представителей соответствующего разряда предметов, состоит в том, что они являются общим наименованием всей существующей в природе массы вещества или всего класса предметов, к которому может относиться соответствующее понятие. Естественно, что такой объект не может в полном объеме подвергаться какому бы то ни было конкретному действию, и, следовательно, значение родительного падежа в данных сочетаниях состоит в названии объекта, часть которого подвергается действию.

Нетрудно заметить, что такая интерпретация превращает традиционное определение значения приглагольного родительного в лишь усложненный вариант проводимого в данной работе понимания сущности употребления этого падежа. Понятие „неопределенного представления“ объекта кажется при этом — при всей условности названия — более уместным, чем традиционный термин „*Genetivus partitivus*“, против которого решительно возражал А. И. Томсон. Главное значение его работ, затрагивающих этот вопрос, состоит, однако, не в попытке заменить неадекватный термин новыми („вещественный“, „предметный“ объект), а в *четком выделении из числа глагольных сочетаний с родительными тех сочетаний, в которых падеж объекта обусловлен связью с определенными глаголами*. При установлении значения, присущего самой падежной форме, независимого от влияния семантики глагольного компонента, ограничение сочетаний, подобных рассмотренным выше, от конструкций, в которых появление родительного предопределено принадлежностью сочетающегося с ним глагола к более или менее ограниченной группе, представляется чрезвычайно важным.

¹¹⁾ В некоторых случаях оттенок частичного подчинения объекта действию в самом деле присутствует в сочетаниях рассматриваемого типа, однако он целиком зависит от семантики глагольного компонента, ср., напр., сочетания с глаголом *ragauti* „пробовать“. Ср. также сочетания с приставочными глаголами, рассматриваемые ниже.

Среди сочетаний второго типа можно выделить следующие группы:

1. Сочетания, в состав которых входят производные от соответствующих переходных глаголов глаголы среднего и действительного залога с приставками *pri-*, *ap-*, *at-*, *iz-*, выражающими между прочим удовлетворенность субъекта действием (в основном — глаголы среднего залога), полноту, исчерпанность действия (*ap-*, *pri-*), либо частичный характер действия *at-*, *pri-*, *iz-*).

Эти глаголы выражают действие, преимущественно или исключительно связанное с „неопределенным“, „вещественно-представляемым“ объектом (этот оттенок вносят в значение глагола перечисленные приставки). Объект при этих глаголах, следовательно, может быть выражен родительным падежом „вещественного“ (напр., ...*jūs* ten, *bošai*, *kiaulienos priėdė ir alaus prigėrė* (Cvirkā) „...вы там, боши, нажрались свинины, напились пива“), или отвлеченного, (напр., ...*kalbos*, *kurios dvasios prisisunkė iš Lietuvos himno* (Cvirkā) „...языку, дух которого он впитал в себя из литовского гимна“), или предметного существительного множ. числа (напр., ...*priskaitysis tu savo knygų* (Jasiukaitis) „...начитаясь ты своих книг“).

2. Ко второй группе сочетаний второго типа можно отнести конструкции с глаголами определенных лексических групп (так наз. глаголы „духовного и физического стремления“, глаголы „просьбы, вопроса“, глаголы „отрицательных эмоций“, глаголы „удалительной“ семантики, глаголы длительного чувственного восприятия, глаголы „недостатка, лишения“ и пр.).

„Сфера влияния“ таких глаголов шире, чем у глаголов предыдущей группы, т. к. действие, выраженное ими, не связано с каким-либо особым представлением объекта, и, таким образом, в сочетании с ними может выступать родительный падеж как „вещественных“ или отвлеченных, так и „предметных“ существительных, а также местоимения. Ср., напр.: — Hello — riktelėjo Frankas jam, — nori kavos? (Cvirkā) „Хелло, — крикнул ему Франк, — хочешь кофе (род. пад.)?“ и: — Nori puoduko kavos? „Хочешь стаканчик (род. пад.) кофе?“; Žuvis ... gilumos ieško, o žmogus — gerumos (Gud.-Guzevičius) „Рыба ... ищет глубины, а человек — добра“; ...ir todėl jam reiksią pačios (Cvirkā) „...и поэтому ему будет нужна жена“ (букв. „...будет нужно женён“); ...visados pakakdavo jo kompanijai pralinksinti (Cvirkā) „...всегда его было достаточно, чтобы компания развеселилась“¹²⁾.

3. Наконец, к третьей группе сочетаний второго типа относятся сочетания родительного падежа с глаголами, имеющими отрижение. Эти сочетания, в отличие от сочетаний двух первых групп имеют „универ-

¹²⁾ Последние два примера показывают несостоятельность предлагаемого Э. Френкелем толкования родительного падежа при глаголах „нужды, недостатка, лишения“ и при глаголах, выражающих „достаточность“, как Genitiv'a partitiv'a (см. ук. соч., стр. 45-§43) — независимо от того, понимается ли этот термин в плане частичности или в плане неопределенности объекта. Ясно, что в том случае, когда в родительном падеже выступает „предметное“ существительное единственного числа или м. местоимение, представление об объекте, испытывающем действие лишь в какой-то своей части (или даже о „неопределенном“ объекте — в случае местоимения), является совершенно несообразным.

сальный“ характер: в состав их могут входить глаголы и имена любого лексического значения (напр., *Jis nebedarinėjo deglės, nemetė žarnų ir likučių varnoms, nepūtė pūslės* (*Cvirka*) „Он не потрошил уже пеструхи, не бросал остатков кишок или хвостика воронам, не надувал пузыря...“; *Ar negirdėjai ten kaimenės bliaunant* (вм. Acc. cum part.), *laukuose prunkščiančio arklio, o kalvose siaudžiančio javo?* (*Cvirka*) „Не слышали ли вы там мычания стада (род. с причастием), ржания лошадей в полях, а на холмах — шелеста хлебов?“ и т. д.).

* * *

Значения, выражаемые сочетаниями второго типа, обычно выделяются в качестве особых значений родительного падежа, причем эти сочетания рассматриваются в одном ряду (иногда под одной рубрикой) с сочетаниями первого типа.

Так, напр., выдающийся литовский языковед И. Яблонскис в своей интересной по материалу книге „Падежи и предлоги. Их употребление в нашем языке“¹³⁾ наряду с „родительным неопределенности или части“ (см. §19, который объединяет сочетания как первого, так и второго типа) выделяет „родительный полноты или множественности“ (§18, включающий наряду с другими и глагольные сочетания), „родительный цели“, при помощи которого обозначается „искомый или желаемый предмет“ (§ 21), „родительный недостатка или отсутствия“, которым обозначаем чего нам не хватает, недостает, в чем мы нуждаемся, чего нет“ (§ 22). „родительный отрицания“ (§ 23), „родительный отделения и под.“ (§ 29).

В самом деле, все эти значения можно наблюдать в соответствующих сочетаниях. Так, в сочетаниях, отнесенных нами к первой группе, оттенок „полноты или множественности“ объекта, с одной стороны, и, напротив, „частичности объекта“ — с другой, вполне отчетлив. Ср., напр., такие сочетания, как... *prisirašiau popiereliu...* *kad man tuomet kas dešinę nukirstu!* (*Cvirka*) „... понаписал бумажек..., хоть бы кто-нибудь мне тогда правую руку отрубил!“; ... *prisigaudė žuvies* (*Cvirka*),... „наловил рыбы“, и такие, как: *Valdovas atsigérė midaus* (*Cvirka*) „Властелин... отпил мёду“; *Atsilauždami sau duonos, gulėjusios čia pat, ji užgerdavo jie iš didelio butelio* (*Cvirka*) „Отламывая себе хлеба, который лежал тут же, они запивали его из большой бутылки“.

Нет оснований, однако, приписывать тот или другой оттенок значению самой падежной формы, поскольку он заключен в семантике глагольного компонента, всегда вступающего в сочетание именно с родительным падежом названия объекта, и поскольку рассмотренные сочетания не противопоставляются, таким образом, сочетаниям (тех же глаголов) с каким-нибудь другим падежом (напр., с винительным), в которых данный оттенок отсутствовал бы.

То же самое с полным основанием можно отнести к сочетаниям второй группы. Ср., напр., сочетания с глаголами „духовного стремления“,

¹³⁾ J. Jablonskis, Linksniai ir prielinksniai. Ju vartojimas mūsų kalboje, Kaunas, 1928.

в которых родительному падежу как будто бы присуще значение „искомого или желаемого предмета“, с одной стороны, и сочетания с глаголами, выражающими противоположные душевые эмоции, в именном компоненте которых следовало бы, будучи последовательным, усмотреть значение „избегаемого, внушающего страх, нежелательного объекта“,— с другой: *Kokič tu čia kliaučių ieškai?* — *Aš ne kliaučių ieškau, o teisybės* (Vienuolis) „Каких зацепок ты здесь ищешь? — Я не зацепок ищу, а справедливости“; ... *kiekyienas laukia pirmojo kliento, kaip laukia jaunavedžių pora savo pirmojo vaisiaus* (Cvirka) „... каждый ждет первого клиента, как пара молодоженов ждет своего первого ребенка“; ... *norgėjo viso tévo ūkio vyresnysis* (Vienuolis.) „... старший хотел [получить] все отцовское хозяйство (род. пад.)“; ... *jaunikliai vengė jo ir šalinosi* (Cvirka) „... молодежь избегала и сторонилась его“; ... *bijojo žąsino, bijojo plačiąjų laukų tylos, bijojo ir svetimų žmonių* (Vienuolis) „... боялась гусака, боялась тишины широких полей, боялась и чужих людей“.

Или сочетания, подобные тем, которые Яблонский приводит в параграфе „родительный недостатка или отсутствия“: *Čia reikėjo ir drąsos, ir greitumo, ir sumanumo* (Vienuolis) „Здесь нужно было и смелости, и быстроты, и сообразительности“; *Ūkis stokojo arklių ir įrankių* (Avyžius) „Хозяйство испытывало недостаток в лошадях и инструментах“; *Stigo visur žmonių, trūko rankų* (Cvirka) „Всюду недоставало людей, нехватало рук“ и сочетания противоположного значения:...*užtenka ir kitų pasityčiojimų* (Jasiukaitis) „...достаточно и издевательств со стороны других“; ...*užteks ir dešimties kapeikų* (Jasiukaitis) „...хватит и десяти копеек“; *Pakako akimirkos, kad tas veidas...pasiliko mano akyse* (Cvirka) „Одного мгновения было достаточно, чтобы это лицо...осталось в моих глазах“; *Tuomet pakadavo mažučio žodelio, šypsniu, juoko* (Cvirka) „Тогда достаточно было одного словечка, усмешки, шутки“.

Совершенно очевидно, что различие в значении соответствующих „противоположных“ групп сочетаний, объясняется не противоречием заложенных в значении генитива оттенков, а различием семантики входящих в состав сочетаний глаголов.

Подобным же образом усматривать в самой форме родительного падежа значение объекта, не подвергающегося действию, в сочетаниях третьей группы можно было бы лишь в том случае, если бы было возможно сочетание отрицаемого глагола с каким-нибудь другим падежом (напр., с винительным), в котором соответствующее значение отсутствовало бы (или если бы родительный мог обозначать не подвергающийся действию объект в сочетании с глаголами без отрицания).

Анализ сочетаний второго типа приводит к заключению, что родительный падеж выражает здесь лишь общее значение объекта действия, а частные оттенки, присутствующие в тех или иных сочетаниях, всесильно определяются значением глагольного компонента. Таким образом, значение родительного падежа при глаголах определенных групп (ограниченных в большей или меньшей степени) оказывается тождественным значению винительного падежа. При этом винительный падеж не может,

как правило, выступать в том же „синтаксическом окружении“ (т. е. в сочетании с теми же глаголами), что родительный падеж. Пользуясь терминологией фонологических исследований, можно сказать, что родительный падеж находится по отношению к винительному в „дополнительном (или „комплементарном“) распределении“. Эти два обстоятельства (функциональное тождество названных двух падежей и факт „комплементарного распределения“) являются достаточными для признания родительного падежа в сочетаниях второго типа позиционным (комбинаторным) вариантом¹⁴⁾ винительного. Многозначность прилагательного род. падежа оказывается, таким образом, мнимой.

Все сказанное не следует понимать в том смысле, что сочетания, в которых появление данного падежа обусловлено принадлежностью основного компонента к лексически ограниченной в той или иной степени группе, представляются нам объектом, не достойным внимания исследователя падежного синтаксиса. Напротив, подобно тому, как при описании фонетической системы языка необходимым является тщательное описание всех вариантов фонемы во всем их конкретном многообразии и точное определение всех позиций, в которых может выступать тот или иной комбинаторный вариант, так и при исследовании синтаксиса определенного падежа, в частности — родительного, необходимо всестороннее описание всех частных употреблений падежной формы и выявление условий ее функционирования.

Решительные возражения, однако, вызывает широко распространенное недифференцированное рассмотрение „свободных“ и лексически ограниченных со стороны основного компонента сочетаний, и (иногда связанное с этим) выделение произвольного числа „значений“, якобы присущих падежной форме.

¹⁴⁾ Как видно из сказанного, этот, заимствованный из фонологии, термин употребляется здесь в ином смысле по сравнению с тем, какой придает ему в своей известной работе о русской падежной системе (TCLP, 6) Р. Якобсон, выделяющий „общее значение“ падежа и „комбинаторные варианты“ этого значения. В таком виде — обращение к терминологическому арсеналу фонологии не кажется плодотворным, т. к. соответствующее фонологическое понятие (функционально тождественные, но формально различные элементы) отнюдь не представляют строгой аналогии с его синтаксическим переосмысливанием (как нам кажется — в отличие от сопоставления) предлагаемого в настоящей статье.